

УДК 159.9.07

Макарова Елена Александровна

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры Общая и консультативная психология,
Донской государственной технической университет,
makarova.h@gmail.com

Илларионов Алексей Александрович,

аспирант кафедры гуманитарных дисциплин,
Таганрогский институт управления и экономики,
makarova.@gmail.com

Elena A. Makarova

Doctor of Psychology, Professor, Professor of General and Consultative Psychology Department,
Don State Technical University, Rostov-on-Don
makarova.h@gmail.com

Aleksey A. Illarionov

Postgraduate student of Humanities Department, Taganrog Institute of Management and Economics
makarova.@gmail.com

Инфантилизм как сбой экзистенциальной парадигмы личности

Infantilism as a failure of personal existential paradigm

***Аннотация.** Цель нашей статьи — не осуждение незрелости и лени, а фокусирование внимания на использовании потенциала детства в построении взрослости и зрелости. Для этого мы обращаемся к философской сказке «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, которая иллюстрирует отношения взрослого и ребенка, символические описания, что значит быть ребенком и как становиться взрослым. Использование примеров из «Маленького принца» является ключом к пониманию категории инфантилизации, отражает содержание экзистенциальной парадигмы и инфантилизма как сбоя в этой парадигме. Между тем возраст человека — это не просто количество лет и знаний. Это нечто совсем другое - изменение структуры самого субъекта.*

***Ключевые слова:** инфантилизм, экзистенциальная парадигма, эгоцентризм, взросление, незавершенная самореализация*

***Abstract.** The purpose of our article is not to condemn immaturity and laziness, but to focus on using the potential of childhood in building adulthood and maturity. To do this, we turn to the philosophical fairy tale "The Little Prince" by Antoine de Saint-Exupéry, illustrating adult - child relationship, symbolic descriptions of what it means to be a child and how to become an adult. Using examples from "The Little Prince" is the key to understanding the category of infantilization, reflects the content of the existential paradigm and infantilism as a failure in this paradigm. Meanwhile, a person's age is not just the number of years and knowledge. It is something completely different - a change in the structure of the subject itself.*

***Keywords:** infantilism, existential paradigm, egocentrism, growing up, unfinished self-realization*

Введение. Область экзистенциально-гуманистической психологии сыграла важную роль в интеллектуальной истории западной психологии. Она привлекла внимание ко многим важным вопросам, которые были практически проигнорированы в первой половине прошлого века. И в ответ психология выросла, включив в себя изучение жизненного опыта человека и исследование практик для содействия человеческому росту и потенциалу. Также было признано значение философской мысли для решения проблем психологии. Были сделаны важные открытия, и была продемонстрирована актуальность подхода гуманитарной науки к психологии.

В случае экзистенциально-гуманистической психологии это имеет два главных компонента: (i) необходимость определить базовую парадигму, которая объединяет обе науки, и (ii) необходимость выбрать и усовершенствовать соответствующие исследовательские методы.

Психология как научная дисциплина, похоже, находится в вечном поиске. Появляются новые идеи и разработки, которые позже определяются как ожидаемые, а иногда и уже хорошо разработанные в работах таких пионеров психологии, как Уильям Джеймс, Вильгельм Вундт и Вильгельм Дильтей и т. д. Это может быть связано с природой самого человеческого знания. Психологи должны концентрироваться на сознательных и эмоциональных процессах, должны поощрять других стремиться к личностному росту и развитию. Многие ученые придерживаются оптимистического убеждения, что все люди нуждаются только в правильной среде для развития своего внутреннего потенциала. Однако их оптимизм не имеет под собой достаточных оснований. Примером этому может служить инфантилизация современного общества.

Рассуждения и попытки дать определение инфантилизму опираются на представления Б. Р. Барбера и К. Г. Юнга, на экзистенциальную гуманистическую парадигму Ирвина Ялома и И. Беккера, психоаналитические рассуждения о «вечном юноше» Карла Густава Юнга и Марии-Луизы фон Франц, а также на художественную литературу и поэзию. В этой статье мы подробно описываем некоторые существенные аспекты экзистенциально-гуманистической перспективы и феноменологической модели, в частности, существенный принцип свободы выбора человека, ответственности и конечности существования. Какой лучший способ описать жизнь и процесс взросления феноменологически? С какой точки зрения? С точки зрения другого? Смотря вперед? Оглядываясь назад? В настоящем? В прошлом? Или в будущем? Необходимость получить ответы на эти и другие вопросы определяет актуальность данного исследования.

Инфантилизм сегодня рассматривается как норма, становится социальным трендом, перестает восприниматься негативно. В современном контексте инфантилизация часто понимается как «отношение открытости, огромного когнитивного любопытства и процесса незавершенной самореализации». Так как границы возрастов пересматриваются (подростковый возраст начинается задолго до половозрелости), возникает необходимость пересмотреть устоявшиеся взгляды на человеческий возраст. Ценность взрослости как периода определенности и стабильности для многих снизилась, а это значит, что этот период отодвигается ими на более позднее время в жизни. С точки зрения психологии предполагается, что взрослый человек способен на самореализацию, саморегуляцию, обладает эмоциональной и социальной зрелостью (что предполагает рациональность, самоконтроль, отсутствие импульсивности), не боится брать на себя ответственность (способность принимать решения и нести ответственность за свои поступки), способен к рефлексии, испытывает потребность к труду и устойчивым семейным отношениям. Взрослый человек стремится состояться в профессии и в семье.

Процессы развития личности различаются в разные эпохи и у разных народов, откладывание взрослости на «потом» — «это ответ на новую реальность, на нестабильность политико-экономических отношений, на неопределенность существования», так считают исследователи [5, 19]. Нестабильность в мире затрагивает все области: от набора навыков, умений, компетенций и профессий (одни профессии бесследно исчезают, другие только возникают и формируются) — до взаимоотношений (однопольные браки, возрастно-психологические изменения, касающиеся личности, нестабильность отношений, гражданские браки без обязательств, демографические проблемы). Ответом личности на такую нестабильность является инфантилизм как повсеместное явление.

Ряд психологов подчеркивают значимость внутреннего локуса контроля (ответственности за слова и поступки, волевые усилия), а также мотивов аффилиации для взрослого человека (стремление к сближению, сопричастности, совместным действиям и достижениям). «Человеку важно определиться с гражданской и социальной позицией, с образом жизни и обеспечить свое будущее в создании семьи и продолжении рода» [2, 3, 17]. Инфантильную личность, напротив, отличают отсутствие эмпатии, эмоциональная незрелость («детские» реакции, отсутствие воли, неуверенность в себе), внешний локус контроля (во всем виноваты другие люди, обстоятельства, окружающая среда), завышенная самооценка, нетребовательность к себе (на фоне взыскательности в отношении общества и других людей), непомерная гордыня, амбиции и эгоцентризм. Инфантилизм обычно означает незрелое поведение или пренебрежение возрастными обязанностями.

В психоаналитическом ключе этот феномен изучил Карл Густав Юнг. Говоря об архетипе «вечного юноши» (*puer aeternus*), он подразумевал людей, избегающих взрослой ответственности и обязательств, называл их «взрослыми, попавшими в ловушку детской души». Положительные стороны «вечного юноши» включают энтузиазм, творческую энергию, спонтанность, умение видеть мир с новых и необычных точек зрения, отсутствие страха перемен. «Вечный юноша» по Юнгу неспособен взрослеть и интегрироваться во взрослую жизнь, зато он способен к духовному росту и умеет вдохновить других [8].

По Юнгу, ребенок находится на пороге инициации, это измерение воспринимается в категориях перехода и трансформации. Юнг указывает на ребенка как на «символическое содержание», которое, в первую очередь, фокусируется на размышлении о том, что «ребенок наделен высшими силами и, несмотря на все опасности, ... неожиданно выкарабкается. «Ребенок» рождается из чрева бессознательного, рожден из глубин человеческой природы, или, скорее, из самой живой природы». Хотя размышления Юнга отсылают к мифическому контексту и, таким образом, к поиску символов, объединяющих эти перспективы, «во всех мифах, касающихся детства, мы сталкиваемся со странным парадоксом: с одной стороны, дети «уязвимы», а с другой стороны – они имеют доступ к силам, которые находятся за пределами человеческих мер. Вот почему дети «являясь чем-то скромным, незначительным; в то же время «божественны» [9].

Единомышленица и коллега Юнга Мария-Луиза фон Франц в книге «Вечный юноша. Puer Aeternus» развила эти идеи Юнга — рассмотрела особую форму невроза у «взрослых детей» и назвала ее «жизнь на черновик» [7]. У личности, страдающей этим неврозом (а чаще всего это мужчина), возникает чувство, что в реальной жизни он еще не существует. В поисках (партнера, работы, призвания, карьеры) его не покидает ощущение, что это еще не совсем то, что ему нужно. Состояние «жизни на черновик» может затягиваться, — у «вечного юноши» формируется внутренний отказ жить настоящим. В итоге у него могут появиться зависимости, приступы агрессии, фобии, другие психологические проблемы.

Экзистенциальная гуманистическая парадигма уделяет особое внимание важнейшим факторам человеческого существования, таким как рождение, взросление, смерть, свобода выбора, ответственность, конечность существования и смысл жизни. В этой экзистенциальной модели предполагается, что «люди существуют одновременно в четырех «мирах» или «измерениях»: физическом (umwelt), социальном (mitwelt), психологическом (eigenwelt) и духовном/философском (uberwelt)» [8].

Размышления о жизни и экзистенциальной перспективе, благодаря взаимодействию с гуманистической психологией, соприкасаются с педагогикой, которая напрямую влияет на то, как личность существует в мире, как она формируется и развивается в контакте и активном взаимодействии с внешним миром, «вечный юноша» должен научиться осознавать свои желания и найти баланс между творческими фантазиями и суровой действительностью жизни.

Теоретическая парадигма - это парадигма сущностного человеческого опыта. Экзистенциальная гуманистическая парадигма уделяет особое внимание сущностным факторам человеческого существования, таким как факты (а часто и проблемы) смерти, свободы, выбора, ответственности, конечности жизни и смысла. Согласно гуманистической традиции, большое внимание уделяется существованию здесь и сейчас или фактическому тому, что переживает человек в данный момент (Джеймс Бюдженталь) [1, 14]. Здесь делается акцент на субъективной сфере опыта, внутреннем опыте человека, на который влияет борьба с проблемами жизни, смерти, смысла и конечности, и на том, как эти проблемы влияют на жизнь человека в настоящий момент, как помогают ему интегрироваться во взрослые проблемы и принять решение о личностном росте. Экзистенциальная гуманистическая психология не стесняется открыто говорить о менее чем тонком факте жизни, который заключается в неизбежности смерти каждого человека. Много было написано о тревоге, страхе и разнообразии реакций, которые возникают из этого факта жизни (Ялом, 2019): «Благодаря моему взаимодействию с экзистенциальной гуманистической перспективой, связанным групповым процессом и преподавательским опытом, у меня есть глубокое понимание того, что многие люди ищут мир, убежище и смысл среди хаоса жизни. Меня утешает реальность того, что, хотя моя жизнь проживается мной в одиночку, я нахожусь в компании других, которые разделяют важные аспекты моего опыта» [10].

Беккер И. (1973/1997) много пишет на эту тему и обсуждает героизм, проявленный людьми в попытке символически предотвратить эту неизбежную судьбу. Большинство людей стремятся придать смысл своей жизни, подлить род, оставить наследие, оказать влияние на мир таким образом, чтобы их жизнь не была забыта, так, чтобы она, возможно, имела цель и значимость [11, с. 5]. Беккер называет этот «экзистенциальный парадокс» [11, с. 26] «состоянием индивидуальности в конечности». Он подробно обсуждает двойственную реальность человека: «У человека есть символическая идентичность, которая резко выводит его из природы. Он есть... существо с именем, историей жизни... Но в то же время... человек есть червь и пища для червей». Знание и активное осознание этого парадокса — это затруднительное положение, которое, безусловно, влияет на все аспекты жизни человека, и на взросление личности в частности [11].

Инфантилизация характеризуется дихотомией, которая заключается в том, что мы можем рассматривать это явление с точки зрения дисфункции, расстройства (патологии), или мы можем заметить его позитивные стороны. Инфантилизм обычно отождествляется с «задержкой умственного, а часто и

физического развития человека на уровне ребенка». В результате возникает целый спектр противоречий, которые, в свою очередь, поднимают ряд вопросов, обеспечивающих актуальность исследования данного явления.

1. Является ли обладание чертами, строго связанными с инфантилизмом, важным и обязательным элементом бытия взрослого человека?

2. Гарантирует ли устранение психологических характеристик, характерных для инфантилизма, успех и психологическое благополучие во взрослом мире?

Инфантилизм также связан с «отсутствием ожидаемой зрелости» и с «неестественным перерывом в развитии» [19]. В психологии инфантилизация понимается как «отношение открытости, огромного когнитивного любопытства и процесса самореализации». Термин «инфантилизм» также связан с категорией регрессии. Регрессия как защитный механизм может иметь положительные и отрицательные последствия. С одной стороны, контекст детских воспоминаний связан с защитой себя. С другой стороны, когда индивид принимает нарциссическую установку, нарциссизм становится регрессией, фокусом на более ранних стадиях развития. В этом смысле мы можем говорить о защитном нарциссизме или о нарциссической защите. Ребенок не достигает эдипальной стадии или отстает от нее в результате фрустрации и фокусирует свои влечения на себе. Нарциссическая фиксация или регрессия приводит к развитию доминирующих нарциссических черт личности. В этом случае мы имеем дело с нарциссическим расстройством личности» [3]. Психологическая инфантильность, кроме симптоматических проявлений вроде слабой саморегуляции, выученной беспомощности, личностной ригидности, несдержанности в поведении и ошибочного стиля мышления - сводится в плане личностных установок к трем базовым пунктам, к так называемой большой инфантильной триаде: Эгоцентризм (патологическая ригидность мышления); паразитизм (патологическая несамостоятельность-зависимость); нарциссизм (патологическое представление о себе).

Бенджамин Р. Барбер пишет, что термин «инфантилизация» является «трудным и конфронтационным одновременно; это четкая метафора, которая указывает что цель «инфантилизации — привить взрослым черты детей и сохранить эти черты у детей, которые пытаются стать взрослыми. Критерии детскости — это, естественно, нормы, включенные в сущность самого детства, которое является не столько биологическим фактом, сколько плодом человеческого воображения, «изобретенного» для социальных, экономических и политических целей» [13].

Использование потенциала литературы становится важным направлением к открытию экзистенциальных следов человеческого опыта. Это становится все более распространенной стратегией в педагогике. Моника Яворская-Витковская пишет, что «педагогика требует осознания функционирования как культурной практики, которая требует метагуманистической рефлексии и изучения дисциплинарных разделений, чтобы выработать более высокий уровень специализации в образовании и интеграции, на благо качества человечества и его местонахождения в культуре» [15, с.204]. Она называет это «поиск гуманитарных наук для педагогики». Реализация задач требует стратегий критического и созерцательного чтения текстов, принадлежащих к культурному пространству, стратегия, которая включает герменевтическое уважение к смыслу и значению текста, эвристическое чтение, множество интерпретаций и познавательный интерес к педагогике, который открывается канону гуманитарных наук (целостное и интегрирующее познание). Таким образом, педагогика имеет шанс реализовать концепцию «специализации высшего порядка» как области знания, которая «поглощает и порождает», которая «систематически организует знание всей реальности», чтобы не «портить педагогическую работу узким выполнением профессиональных задач», открытой для конфликта идей, дихотомий и когнитивной амбивалентности [16, с.204]. Вслед за Яворской-Витковской, Мысовских Л.О. замечает переплетение опыта, описанного в книгах, с повседневным житейским опытом. Это привело нас к идее включения «Маленького принца» в дискурс инфантилизма. Роман эффективно представляет отношения между взрослым и ребенком, символические отношения между бытием ребенком и становлением взрослым. Это философская сказка, которая должна входить в репертуар «сказок мудрости» [4].

Историю Маленького принца, описанную Антуаном де Сент-Экзюпери, безусловно, можно описать с точки зрения экзистенциальной парадигмы. Она также затрагивает актуальную проблему инициации, связанную с переходом от детства к взрослой жизни, где последняя иногда может рассматриваться как «пародия» на первую, поскольку в глазах Маленького принца: «взрослые очень странные» [18, с. 39]. Таким образом, это история, которая начинается с того, что «взрослые могут все разрушить в ребенке еще до того, как его жизнь действительно начнется». Произведение, посвящено взрослому человеку, но обращается к ребенку, которым этот взрослый был раньше, и автор умоляет всех детей в мире не верить взрослым и сохранить простоту сердца и доброту; однако не показывает возможности взрослым найти путь к себе, к своей первобытной детскости, к чистоте и наивности. В конце истории

Маленький принц возвращается на свою крошечную планету к своей розе, а летчик (взрослый) возвращается к взрослой жизни, несомненно, испытывая еще большую тоску и печаль, чем когда-либо прежде. Антуан де Сент-Экзюпери оставляет многочисленные знаки и маркеры, которые могут представлять собой важный воспитательный фактор – нечто похожее на решающие, двойные моменты в достижении взрослости. Он оставляет читателю много существенных «зацепок» и подсказок, которые образуют важную и сложную конструкцию в педагогическом мышлении.

Водоворот представленных автором подсказок не позволяет нам серьезно относиться к взрослой жизни и детству, но создает рамки дисквалификации восприятия взрослой жизни. Вместо этого инфантилизм может привести к совершенно новому взгляду на взрослую жизнь как на раскрытие своего потенциала на основе самоиронии, самореализации, с одновременным освобождением от проблем, связанных с взрослением, или уходом в эгоцентрическое дурачество. Вот почему Сент-Экзюпери показывает взрослых, запертых в своих собственных частных мирках, «как символы замкнутых, отчужденных человеческих жизней: обладание властью, тщеславие, пьянство, накопление богатства ради него самого, работа ради самой работы, пустая ненужная эрудиция, не приносящая радости ни ее обладателю, ни окружающим людям». В книге представлено очень пессимистическое видение мира взрослых. Взрослые не замечают других людей и заботятся только о своих делах и проблемах, что не позволяет им чувствовать себя счастливыми. Таким образом, история Маленького принца требует прикоснуться к химере детства, которая является средством от проблем и фобий взрослой жизни, помогая человеку открыть ресурсы внутри себя. Каждая встреча Маленького принца со взрослыми – это уход от известного и предсказуемого мира. Маленький принц побеждает в каждой встрече с точки зрения когнитивных проблем, которые позволяют ему укротить парадоксы взрослости. Он замечает и видит вещи, которые никогда раньше даже не приходили ему в голову, и получает знания, благодаря которым сталкивается сам с собой.

«Маленький принц» – не единственное художественное произведение, посвященное инфантилизму и проблемам «взрослых детей». В «Поэтике мечтаний» Гастон Башляр указывает на связь между прошлым и будущим экзистенциальных переживаний людей. Мир детей может быть полон счастья и радости, но он также может быть местом, где происходят различные негативные события. Вот почему детство является «источником величайших пейзажей» [12, с. 188]. В то же время Г. Башляр подчеркивает свою заботу о «плохо проведенном детстве, излечении детских страданий, которые угнетают психику стольких взрослых» [12, с. 115]. Наш детский опыт определяет наши действия во взрослой жизни, определяя, кто мы и кем мы можем стать, «благодаря «мечте о детстве», Мечтатель (основной персонаж в антропологии Башляра) «испытывает» счастье, преодолевает печаль ухода, вызванную течением времени и ужасом его конечности» [12, с. 17].

Память — это поле, полное психологических руин, куча воспоминаний. Все наше детство должно быть переосмыслено. Переосмысливая его, мы имеем возможность восстановить его в наших мечтаниях. Воспоминания сводятся к признанию в человеческой душе постоянного ядра детства, скрытого от других, имеющего реальное существование только в моменты озарения — то есть в моменты своего поэтического существования. Каждый ребенок — это удивительное существо, существо, которое постоянно испытывает удивление бытием. Таким образом, мы обнаруживаем внутри себя неподвижное детство, детство без становления, освобожденное от «шестеренок» календаря. Таким образом, взятое в перспективе его архетипических качеств, возвращенное в космос великих архетипов, которые лежат в основе человеческой души, детство — это больше, чем сумма наших воспоминаний. Чтобы понять нашу привязанность к миру, необходимо добавить детство к каждому архетипу. Мы не можем любить воду, огонь или деревья, не вкладывая в них любовь, дружбу, которая восходит к нашему детству. Детство имеет свой собственный ясный феноменологический смысл, поскольку оно берет начало из восторга [12, с. 146-147].

Заключение. Представленные выше соображения колеблются между категориями детства и взрослости и, таким образом, несомненно вписываются в исследуемую проблему инфантилизации. Нельзя сказать, что мы имеем дело с единичными случаями неохотного взросления, таким образом, исследование охватывает значительную область существования взрослых людей, их экзистенциальной парадигмы. Инфантилизация может принимать различные формы и тем самым способствовать совершенно иной реконструкции образа мира.

Феноменологически мы находимся в контексте, из которого рассматриваем и конструируем мир, что сразу же ставит нас перед проблемой. Просто в силу наличия хронологически взрослой точки зрения есть до (детство) и после (старость). Зрелость рассматривается как происходящая в настоящее время. Она всегда такая, какая она есть сейчас. Мы, как правило, мало представляем себе, что произошло в прошлом, и не представляем, что произойдет в будущем. Но это не мешает нам удивляться.

Старость также рассматривается с позиции взрослой жизни, мы ничего не знаем о том, что должно произойти. Но мы не можем не проецировать себя в ней. Наш возраст становится движущейся точкой опоры, с которой мы рассматриваем не только себя, но и саму жизнь. Знаки и символы, представленные и описанные в исследовании, являются важным психологическим и образовательным фактором. Их представление было призвано указать на ловушки во взрослой жизни, которые могут повстречаться на жизненном пути. Осознание этих ловушек и того, что любой может оказаться в них, может быть важным фактором в преобразовании и воспитании внутреннего ребенка. Игнорируя проблемы взросления, мы подвергаем попавшего в ловушку детства взрослого человека риску маргинализации, инфантилизации, а также увеличению вероятности суицида.

Модель развития, наиболее согласующаяся с экзистенциально-феноменологическим подходом, что человек является продуктом своего выбора и действий, предпринятых в контексте прожитого времени, является моделью процесса на протяжении всей жизни. В нашем желании иметь «непрерывность во времени и местоположение в пространстве», быть чем-то, а не ничем, мы активно создаем себя из случайных событий нашей жизни. Однако это в значительной степени статическое чувство себя бросает вызов нашим повседневным встречам с динамической относительностью времени, свободой и выбором. Таким образом мы осознаем не только то, что наша жизнь — это ответственность не кого-то другого, а за себя самого, но также и то, что она является продуктом случая и возможности.

Библиография

1. Бьюдженталь Джеймс Ф. Т. *Искусство психотерапевта. Путер, Серия «Мастера психологии»*, 2022, 365 с.
2. Косилова Е. В. *Философия возраста: Взаимосвязь экзистенциального и познавательного взросления человека*. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 160 с.
3. Мачуха А. М., Васильева О. С. *Психологический инфантилизм, обученная беспомощность, личностная ригидность и личностная зрелость как сопоставимость явлений // Проблемы современного педагогического образования*. 2020. №68-2.
4. Мысовских Л.О. *Писатель и экзистенциализм: художественная литература как средство выражения экзистенциальных идей // Филология: научные исследования*. 2022. № 4. С. 29-41. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.4.37743
5. Паиковская, И. Н. Королева Н. И. *Экзистенциально-гуманистическая психологическая парадигма и ее педагогические проекции в современной высшей школе. Гуманитарные науки и вызовы нашего времени : сб. научных статей по итогам II Всеросс. научной конф. с межд. участием – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. – С. 189-195.*
6. Сабельникова Е. В., Хмелева Н. Л. *Тенденции инфантилизма на примере данных программы международной оценки компетенций взрослых: опыт России. В книге Горизонты зрелости. Сб. тез. V всерос. научно-практ. конф. по психологии развития*. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015, с. 492–496.
7. фон Франц Мария-Луиза. *Вечный юноша. Puer Aeternus*. М.: Издательство Класс, 2009
8. Шнайдер В. Ф., Талалуева Т. А. *Современные аспекты теории личности К. Г. Юнга // Символ науки*. 2021. №10-2.
9. Юнг К. Г. *Собрание сочинений. Конфликты детской души/Пер. с нем. - М.: Канон, 1997. - 336 с. - (История психологии в памятниках)*.
10. Ялом Ирвин. *Экзистенциальная психотерапия*. - М.: Издательство Класс, 2019. - 576 с.
11. Becker, E. (1997). *The denial of death*. New York: Free Press Paperbacks. (Original work published 1973)
12. Bachelard, Gaston. *On Poetic Imagination and Reverie*. Spring Publications, 1998
13. Barber Benjamin R. (2007) *Consumed: How Markets Corrupt Children, Infantilize Adults, and Swallow Citizens Whole* New York: W.W. Norton, 406 pp
14. Bugental, J. (1999). *Psychotherapy isn't what you think: Bringing the psychotherapeutic engagement into the living moment*. Phoenix, AZ: Zeig, Tucker & Co., Inc.
15. Jaworska-Witkowska M. (2011). *Próby pedagogicznego myślenia wobec (oporu) języków kultury: wyobrażenia humanistyczna a wrażliwość pedagogiczna: zadania do pracy dydaktycznej ze studentami, „Studia z Teorii Wychowania”, tom 2, nr 1 (2), s. 203-229.*
16. Jaworska-Witkowska M. (2016). *Przechwytywanie tekstów. Powidoki czytania*, Bydgoszcz: KPSW.
17. Montgomery M.R. (2020). *Out of your existential mind: Madonna, relevance and nuance. Existential Analysis: Journal of the Society for Existential Analysis*, no 31 (2). PP. 247-277
18. Saint-Exupery Antoine de. *Le Petit Prince*. Gallimard, 2018, 120с.

19. Singla, G., Himanshu, Kaur, A., & Kaur, A. (2020). Rising dysmorphia among adolescents: A cause for concern. *Journal of Family Medicine and Primary Care*, 9(2), 567. doi.org/10.4103/jfmpc.jfmpc_738_19

References

1. Bugental James F. T. *The Art of the Psychotherapist*. Peter, Series "Masters of Psychology", 2022, 365 p.
2. Kosilova E. V. *Philosophy of Age: The Relationship between Existential and Cognitive Human Maturation*. - M.: LENAND, 2014. - 160 p.
3. Machukha A. M., Vasilyeva O. S. *Psychological Infantilism, Learned Helplessness, Personal Rigidity and Personal Maturity as Comparability of Phenomena // Problems of Modern Pedagogical Education*. 2020. No. 68-2.
4. Mysovskikh L. O. *Writer and Existentialism: Fiction as a Means of Expressing Existential Ideas // Philology: Scientific Research*. 2022. No. 4. P. 29-41. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.4.37743
5. Pashkovskaya, I. N. Koroleva N. I. *Existential-humanistic psychological paradigm and its pedagogical projections in modern higher education. Humanities and challenges of our time: collection of scientific articles following the results of the II All-Russian scientific conf. with intern. participation - St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics*, 2020. - P. 189-195.
6. Sabelnikova E. V., Khmeleva N. L. *Trends in infantilism based on the data of the Program for the International Assessment of Adult Competencies: the experience of Russia. In the book Horizons of maturity. Coll. of abstracts of the V All-Russian scientific and practical conference on developmental psychology. M.: GBOU VPO MGPPU*, 2015, pp. 492–496.
7. von Franz Maria-Louise. *Eternal youth. Puer Aeternus*. M.: Class Publishing House, 2009
8. Schneider V. F., Talalueva T. A. *Modern aspects of C. G. Jung's personality theory // Symbol of science*. 2021. No. 10-2.
9. Jung K. G. *Collected Works. Conflicts of the child's soul / Translated from German*. - M.: Canon, 1997. - 336 p. - (History of psychology in monuments).
10. Yalom Irvin. *Existential psychotherapy*. - M.: Class Publishing House, 2019. - 576 p.
11. Becker, E. (1997). *The denial of death*. New York: Free Press Paperbacks. (Original work published 1973)
12. Bachelard, Gaston. *On Poetic Imagination and Reverie*. Spring Publications, 1998
13. Barber Benjamin R. *Consumed: How Markets Corrupt Children, Infantilize Adults, and Swallow Citizens Whole* New York: W.W. Norton, 2007, 406 pp
14. Bugental, J. (1999). *Psychotherapy isn't what you think: Bringing the psychotherapeutic engagement into the living moment*. Phoenix, AZ: Zeig, Tucker & Co., Inc.
15. Jaworska-Witkowska M. (2011). *Próby pedagogicznego myślenia wobec (oporu) języków kultury: wyobrażenia humanistyczna a wrażliwość pedagogiczna: zadania do pracy dydaktycznej ze studentami*, „Studia z Teorii Wychowania”, tom 2, nr 1 (2), s. 203-229.
16. Jaworska-Witkowska M. (2016). *Przechwytywanie tekstów. Powidoki czytania*, Bydgoszcz: KPSW.
17. Montgomery M.R.(2020) *Out of your existential mind: Madonna, relevance and nuance*. *Existential Analysis: Journal of the Society for Existential Analysis*, no 31 (2). PP. 247-277
18. Saint-Exupery Antoine de. *Le Petit Prince*. Gallimard, 2018, 120c.
19. Singla, G., Himanshu, Kaur, A., & Kaur, A. (2020). Rising dysmorphia among adolescents: A cause for concern. *Journal of Family Medicine and Primary Care*, 9(2), 567. https://doi.org/10.4103/jfmpc.jfmpc_738_19